

Вторая реальность и социальный интеллект¹

Есть одна мысль, которая кажется очевидной и потому не заслуживающей отдельного внимания: человек живёт в настоящем. Он реагирует на происходящее здесь и сейчас, принимает решения в конкретной ситуации, действует, исходя из текущих обстоятельств. Именно так устроено поведение всех живых существ. Их тело, нервная система, непосредственные реакции принципиально не выходят за пределы текущего момента. И в этом смысле человек не является исключением.

Но при более внимательном взгляде становится ясно, что люди живут в длительном времени. Значительная часть того, что направляет поведение человека, не принадлежит настоящему моменту. Она вынесена вовне — в язык, в привычки, в правила, в образы прошлого и ожидания будущего. Человек постоянно соотносит свои действия не только с ситуацией, но и с тем, чего здесь и сейчас нет, но что, тем не менее, реально влияет на его выбор. Это различие — между непосредственным опытом и вынесенной памятью — и образует две реальности человеческой жизни.

I. Павлов: вторая сигнальная система как прототип вынесенной реальности

Имя Ивана Петровича Павлова обычно ассоциируется с физиологией, экспериментами на животных и учением об условных рефлексах. Его лаборатория в Колтушах стала символом строго экспериментального подхода к изучению поведения. Собаки, пищевые раздражители, звонки и лампочки — всё это вошло в учебники как иллюстрация механистического понимания психики. Однако за этой канонической картиной скрывается гораздо более радикальная идея.

Павлов исходил из различия между первой и второй сигнальными системами. Первая сигнальная система — это реакция организма на непосредственные раздражители: запах пищи, вид огня, резкий звук. В этой системе человек принципиально не отличается от животного. Он реагирует на ситуацию, в которой находится, и его поведение целиком вписано в здесь-и-сейчас.

Совсем иначе устроена вторая сигнальная система. Она связана со словом. Павлов подчёркивал, что слово — это не просто обозначение, а физиологический раздражитель особого рода. В его экспериментах реакция могла вызываться не самим стимулом, а сигналом, указывающим на него. Более того, слово могло вызывать ту же физиологическую реакцию, что и сам предмет. Рассказ об

¹ Сгенерировано человеком и ИИ на основе Корпуса

опасности способен вызывать учащение пульса и напряжение мышц, как если бы опасность была реальной.

Это означало принципиальный сдвиг. Организм начинал реагировать на то, чего в ситуации нет. Поведение переставало быть привязанным к текущему моменту. Между телом и миром встраивался особый слой — слой знаков, который обладал собственной динамикой и собственной временной протяжённостью.

Важно, что Павлов мыслил эту конструкцию не в гуманитарных, а в физиологических терминах. Его интересовало, каким образом слово становится раздражителем и как оно встраивается в работу нервной системы. Но именно поэтому его идея оказалась столь фундаментальной. Она показывала, что человеческое поведение управляется не только средой, но и вынесенным за пределы ситуации миром сигналов.

Сегодня в когнитивной антропологии существуют доказательства того, что индивидуально-физиологически человек не умнее человекообразной обезьяны. Если рассматривать только первую сигнальную систему, с этим трудно спорить. Радикальное отличие возникает именно благодаря второй сигнальной системе — способности жить в мире слов, рассказов и предписаний. Здесь впервые появляется прообраз той вынесенной реальности, которая затем разрастётся в культуру.

II. Joseph Henrich²: культура как внешняя память человечества

То, что у Павлова выступает как нейрофизиологический механизм, у Джозефа Хенрика разворачивается в историческом и эволюционном масштабе. Его книга посвящена вопросу, который на первый взгляд кажется парадоксальным: почему люди добились такого успеха как вид, если их индивидуальные когнитивные способности весьма ограничены и мало отличаются от высших обезьян?

Ответ Хенрика заключается в том, что человеческий интеллект вынесен вовне. Люди живут внутри культурных сред, которые аккумулируют опыт множества поколений. Эти среды содержат знания и способы действия, которыми не владеет ни один отдельный индивид. Более того, значительная часть этих знаний не может быть рационально объяснена самими носителями.

Хенрик приводит показательные примеры кумулятивной культуры. Сложные орудия, технологии или социальные практики сохраняются и совершенствуются, хотя никто не способен воспроизвести их с нуля, опираясь только на

² *The Secret of Our Success (2015)*

индивидуальный разум. Люди копируют успешные образцы поведения, не понимая до конца, почему они работают. Культура оказывается умнее своих носителей.

Особенно важен для Хенрика механизм социального обучения. Люди ориентируются не столько на абстрактную рациональность, сколько на признаки успешности: статус, престиж, признание. Они перенимают практики, потому что так делают те, кто добился успеха. В результате воспроизводится порядок, логика которого скрыта от участников.

В этом смысле культура функционирует как внешняя память человечества. Она хранит решения, найденные в прошлом, и предлагает их в готовом виде новым поколениям. Человек оказывается включён в среду, которая направляет его поведение ещё до того, как он начинает осмысливать свои действия. Это объясняет, почему попытки сознательного проектирования общества так часто дают неожиданные результаты: они сталкиваются с уже существующей внешней памятью.

III. Выготский: освоение внешней памяти

Если Павлов показывает физиологический порог, а Хенрик — эволюционный масштаб, то Лев Выготский позволяет увидеть, как человек практически входит в эту вынесенную реальность. Его исследования были посвящены не столько устройству мозга, сколько процессу обучения и формирования мышления.

Ключевая идея Выготского состоит в том, что высшие психические функции формируются через использование внешних знаков как орудий деятельности. Слово, схема, формула или правило изначально существуют вне индивида — в совместной деятельности, в коммуникации, в обучении. Ребёнок сначала пользуется ими как внешними средствами, и лишь затем они становятся частью его внутреннего мышления.

Выготский описывал ситуации, в которых ребёнок решает задачу не потому, что «понимает» её в абстрактном смысле, а потому что овладел определённым способом действия. Знак здесь не отражает реальность, а направляет поведение. Он удерживает внимание, задаёт последовательность шагов, фиксирует результат.

Этот подход позволяет по-новому взглянуть на обучение. Оно оказывается не передачей информации, а включением в систему внешней памяти и освоением инструментов мышления. Человек учится не столько знать, сколько уметь действовать в рамках определённой культурной среды.

В этом контексте особенно уместной оказывается формула, которую сформулировал мой учитель математики: «Ты должен знать на 90%, уметь на 9%, тогда ты сможешь сделать что-то новое на 1%». Новое возникает не из пустоты и не из чистого изобретения. Оно возможно лишь тогда, когда человек глубоко погружён во внешнюю память и освоил способы работы с ней.

Таким образом, человеческая жизнь разворачивается между двумя реальностями. Одна — это непосредственный опыт, здесь-и-сейчас. Другая — вынесенная память, в которой аккумулирован опыт человечества. Понимание этого двойственного устройства позволяет иначе взглянуть на культуру, обучение и социальные институты. Без него мы неизбежно будем путать то, что происходит в настоящем, с тем, что на самом деле управляет нашим поведением.

Не только память: социальный интеллект как наиндивидуальный агент

До сих пор речь шла о второй реальности как о внешней памяти: о языке, традициях, знаках, процедурах и навыках, которые существуют вне индивида и его «обслуживают». Однако у этой конструкции есть ещё одно измерение, которое обычно остаётся в тени.

Если посмотреть на неё не со стороны человека, а со стороны целого, становится видно, что вторая реальность ведёт себя не просто как хранилище опыта, а как **активная система управления поведением индивида**. Она не только сохраняет прошлое, но и производит решения, распределяет роли, задаёт допустимые и недопустимые действия, иногда — с жестокостью и равнодушием к отдельной человеческой судьбе.

В этом смысле вторая реальность – социальный интеллект³, *SI* - с незапамятных времён выполняет ту функцию, которую сегодня принято связывать с искусственным интеллектом, *AI*. Она наиндивидуальна, не имеет субъекта, не обладает сознанием в человеческом смысле, но при этом способна направлять и координировать действия миллионов людей. Более того, она систематически превосходит отдельного человека по «мощности»: по объёму памяти, по устойчивости, по способности навязывать решения.

Когда человек совершает поступок, который невозможно объяснить его индивидуальным интересом или ситуацией здесь-и-сейчас, — например, жертвует собой ради абстрактного целого, — действующим агентом оказывается не он сам. Его тело находится в настоящем моменте, но решение формируется в наиндивидуальной среде: в системе символов, нарративов, образов долга, чести, подвига, которые существовали задолго до него и переживут его.

³ По-английски это *social intellect* в отличие от *social intelligence*, социальных навыков.

В этом смысле поступок подобный подвигу Матросова нельзя понимать как результат индивидуального выбора в узком смысле. Это исполнение программы, созданной коллективной когнитивной машиной. Человек здесь выступает как исполнительный элемент, а управляющий контур находится вне его сознания и вне текущей ситуации.

Сегодняшние страхи перед будущим искусственного интеллекта выглядят в этом свете странно запоздалыми. То, чего опасаются — утраты индивидуального контроля, подчинения решений безличной системе, жертвования частным ради абстрактной оптимальности, — уже давно является нормой человеческого общества. Разница лишь в том, что этот «нечеловеческий интеллект» возник не в лаборатории, а исторически, стихийно, через язык, культуру и институты.

Важно подчеркнуть: речь не идёт о морализаторстве или обличении. Вторая реальность не «зла» и не «добра». Она просто существует и работает. Именно благодаря ей возможны сложные формы координации, накопление знаний, воспроизводство общества. Но именно поэтому она и требует анализа — не как метафора, а как реальный наиндивидуальный агент.

В дальнейшем мы будем рассматривать вторую реальность в ее различных проявлениях. Здесь же важно было зафиксировать исходный факт: человек живёт не только в настоящем моменте и не только в собственной голове. Он живёт внутри системы, которая давно научилась думать и действовать поверх и помимо индивидуального сознания.